

УДК 141.32:821.161.1
doi:10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).15
5.7.8

Анализ элементов экзистенциального дискурса в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

Алексей Владимирович Лесевицкий

Пермский филиал Финуниверситета, Пермь, Россия,
Lesev100@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-1376>

Аннотация. В статье рассматриваются «экзистенциальные паттерны» романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». По мнению автора, в данном панорамном произведении пролетарский писатель отразил целое многоцветие идей, характерных для философии экзистенциализма. В исследовании раскрывается многогранный внутренний мир Клима Самгина, показана специфика его мировоззренческих черт. А. М. Горький в романе предельно остро ставит вопрос о подлинности и квазиаутентичности существования, который пытается разрешить главный герой книги. По мнению исследователя, подобная постановка вопроса сближает произведение русского литератора и работу М. Хайдеггера «Бытие и время», в которой немецкий философ противопоставляет антагонистические экзистенциалы *Dasein* и *Das Man*. Автором рассматривается проблема амбивалентной противоположности существования и деятельности в их этическом преломлении. Клим Самгин сознательно предпочитает тактику абсентеизма, тотального отрицания всех возможных альтернатив, не желая вмешиваться в апокалиптическое движение глобального исторического универсума. В работе проанализирована проблема цели и средств ее достижения в рамках диалектики исторического процесса. По мнению исследователя, А. М. Горький заимствует постановку данной этической проблемы не только у Ф. М. Достоевского, которого справедливо считают своеобразным предшественником экзистенциальной философии, но и у Н. А. Бердяева, латентное влияние идей которого отразилось в книге «Жизнь Клима Самгина». Автором разбирается проблема «экзистенциального вакуума» и его последствий, запечатленная в образах Нехаевой, купца Лютова и поручика Трифонова. Экзистенциальный анализ романа позволяет сделать вывод, что творчество А. М. Горького можно рассматривать не только из весьма жестких концептуальных рамок марксизма-ленинизма.

Ключевые слова: экзистенциализм, пограничная ситуация, подлинность существования, проблема цели и средств, экзистенциальный вакуум, психологический абсентеизм, скептицизм, проблема выбора

Для цитирования: Лесевицкий А. В. Анализ элементов экзистенциального дискурса в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 158–167. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).15.

Analysis of the Elements of Existential Discourse in A.M. Gorky's Novel *The Life of Klim Samgin*

Alexey V. Lesevitsky

the Perm Branch of the Financial University, Perm, Russia,
Lesev100@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-1376>

Abstract. The article discusses the “existential patterns” of A. M. Gorky's novel *The Life of Klim Samgin*. According to the author, in this panoramic work, the proletarian writer reflected a

whole variety of ideas characteristic of the philosophy of existentialism. The study reveals the multifaceted inner world of Klim Samgin, shows the specifics of his ideological traits. In his novel, A.M. Gorky acutely raises the question of authenticity and quasi-identity of existence, which the book's protagonist tries to resolve. According to the researcher, such a formulation of the question brings the work of the Russian writer closer to the work of M. Heidegger *Being and Time*, in which the German philosopher contrasts the antagonistic existentials Dasein and Das Man. The author considers the problem of ambivalent opposites of existence and activity in their ethical refraction. Klim Samgin consciously prefers the tactics of absenteeism, the total denial of all possible alternatives, not wanting to interfere in the apocalyptic movement of the global historical universe. The paper analyzes the problem of the goal and means of achieving it within the framework of the dialectic of the historical process. According to the researcher, A.M. Gorky borrows the formulation of this ethical problem not only from F.M. Dostoevsky, who is rightly considered a kind of predecessor of existential philosophy, but also from N.A. Berdyaev, the latent influence of whose ideas was reflected in the book *The Life of Klim Samgin*. The author examines the problem of the "existential vacuum" and its consequences, captured in the images of Nekhaeva, merchant Lyutov and Lieutenant Trifonov. Existential analysis of the novel allows us to conclude that the work of A.M. Gorky can be viewed not only from the very rigid conceptual framework of Marxism-Leninism.

Keywords: existentialism, borderline situation, authenticity of existence, the problem of goals and means, existential vacuum, psychological absenteeism, skepticism, the problem of choice

Художественное творчество может таить в себе множество загадок. По нашему мнению, подобным свойством обладает один из величайших философских романов русской литературы XX века «Жизнь Клима Самгина». Большинство советских и постсоветских исследователей творчества А. М. Горького позиционируют его как неистового «буревестника революции», одного из самых громогласных выразителей чаяний обездоленных рабочих и крестьян, апологета марксизма-ленинизма и пр. Безусловно, анализ повестей, романов, пьес, критических работ А. М. Пешкова позволяет интерпретировать его «творческий универсум» в подобном ключе. Однако, на наш взгляд, в своем последнем романе «Жизнь Клима Самгина» «пролетарский мыслитель» подверг коммунистические идеи если не латентной критике, то, как минимум, скрытому скептицизму, поставив под сомнение «гуманистическую чистоту» искомого идеала. Изначально А. М. Горький задумывал роман как огромную историческую фреску, на фоне которой намеревался показать кризис декадентского сознания «рафинированных интеллигентов», оторванных от реальной жизни, боящихся осознанного выбора между революцией и контрреволюцией. Но, по нашему мнению, вместо антигероя Клима Самгина в произведении, пожалуй, невольно был изображен человек, который имеет полное право именоваться подлинной личностью на фоне персонажей, чью жизнь проживают другие. Вместо испепеляющей критики подобного «стороннего наблюдателя» эпохи предреволюционного упадка и духовного разложения неожиданно была осуществлена латентная апологетика достаточно оригинальных философских идей.

Мы считаем, что А. М. Горький одним из первых в отечественной литературе XX века апробировал своеобразную форму «экзистенциального романа», которая блестяще реализована в его произведении «Жизнь Клима Самгина». По нашему мнению, «пролетарский мыслитель» отразил многие идеи, которые рассматривали в своем философском и литературном творчестве такие европейские экзистенциалисты, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр, Н. А. Бердяев и др. Проблема существования человека – центральная тема рассматриваемого нами произведения: «Горьковский роман – это роман о человеке в истории, при этом понятие истории в романе удвоено: здесь сливаются как частная, субъективная история, так и объективный процесс общественных изменений» [Савинкова 2020, с. 42]. В нашей работе мы подвергли анализу философские идеи А. М. Пешкова, воплощенные в его книге «Жизнь Клима Самгина», позволяющие причислить литератора к авторам, погруженным в проблем-

ное поле экзистенциализма. Какие «экзистенциальные паттерны» раскрыл в своем последнем произведении «буревестник революции»?

1. Одной из центральных проблем философии экзистенциализма является вопрос о соотношении индивидуального и социального в homo: «Общество как бы говорит человеку: ты мое создание, все, что у тебя есть лучшего, вложено мной, и потому ты принадлежишь мне и должен отдать мне всего себя» [Бердяев 2000, с. 72]. Способен ли социум тотально господствовать над человеком, подавляя в нем его подлинное Я? Через какие механизмы осуществляется это коварное обезличивание огромного «людского стада»? Можно ли устоять в этой судьбоносной борьбе за свой настоящий внутренний мир и не экзистировать «по шаблону»? Стоит заметить, что в книге «Жизнь Клим Самгина» А. М. Горький дает на эти «проклятые вопросы» очень развернутые и детализованные ответы. Более того, по нашему мнению, «буревестник русской революции» предвосхитил многие идеи крупнейшего немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера, которые тот изложил в своей программной книге «Бытие и время».

Клим Самгин без оговорок может быть причислен к персонажам, для которых вопрос о бытии является ключевым феноменом существования. Подобное фундаментальное вопрошание – самая главная характеристика его сложной и многогранной личности. Более того, как и М. Хайдеггер, А. М. Горький в своем романе разграничивает антагонистические модусы подлинного и неподлинного существования, противопоставляя поиски аутентичного «Я» Климом Самгиным и обезличенность и стремление к конформизму большинства других героев исследуемого нами произведения. По какой причине главный герой книги сознательно отчуждает себя от общества, стремится обрести свою самость, не быть похожим на других? Еще с детства родители зародили в нем уверенность, что он «избранный», что он не такой, как все остальные, что он уникален. Юный Клим поверил в это, противопоставляя себя социуму, желая обрести аутентичное бытие, стать «единственным» (в терминологии М. Штирнера). Буквально в духе М. Хайдеггера А. М. Горький писал о подобной психологической установке главного героя: «Клим решил говорить возможно меньше и держаться в стороне от бешеного стада маленьких извергов. Их назойливое любопытство было безжалостно, и первые дни Клим видел себя пойманной птицей, у которой выщипывают перья, прежде чем свернуть ей шею. Он чувствовал опасность потерять себя среди однообразных мальчиков; почти неразличимые, они всасывали его, стремились сделать незаметной частицей своей массы» [Горький 1979, т. 11, с. 52]. Мы полагаем, что образ главного героя произведения можно трактовать через амбивалентную противоположность онтологических экзистенциалов *Dasein* и *Das Man*, которые рассмотрел в своей главной книге М. Хайдеггер. Клим Самгин боится этого анонимно-безликого со-существования, представленного в модусе *Das Man*, которое может полностью поглотить человека, сделать шаблонно-анонимным, лишенным персоналистических черт: «*Das Man* всегда в компании, всегда занят, увлечен, раз-влечен (во все стороны). Он перманентно бормочет, болтает (*Gerede* – поток нечленораздельной речи). Он постоянно движется, ему все интересно, любопытно, ему до всего есть дело. *Das Man* безличен, дезиндивидуализирован, его “я” конструируется из постоянных интеракций. <...> Заброшенность он топит в коммуникациях, вместо собирающего одиночества, он распадается. Волевой проект заменяется суетливой и пустой деятельностью» [Дугин 2011, с. 226–227]. Как и главный герой романа А. М. Горького, М. Хайдеггер предупреждает личность об опасности стать рабом обезличенного социума, укорененным в «мещанскую всеоткрытость среднего», совершить онтологический мутагенез из самодостаточной и рефлектирующей личности в вещь и объект манипуляции, лишь имитирующей реальное существование. Немецкий мыслитель писал: «Здесь-бытие всегда уже есть здесь-бытие, отпавшее от себя самого как от настоящего, в собственном смысле, можествования быть самим собою, и всегда уже есть попавшее и пропавшее в мир, пре-данное, обреченное миру. Обреченность миру подразумевает растворение в совместном бытии» [Хайдеггер 2003, с. 313]. Но Клим Самгин не желает бесследно

раствориться в совместном бытии, герой произведения А. М. Горького не хочет экзистировать, как другие персонажи романа, не желает снять с себя ответственность за то, что происходит вокруг, спрятаться за некую «великую» и «спасительную» идею. Поиски настоящей онтологической альтернативы в модусе Dasein привели Клима к практически полному отчуждению от социума, хотя он, безусловно, часть его. И это межличностное отчуждение прослеживается по отношению ко всем окружающим его людям: матери, отцу, жене, любовницам, знакомым, товарищам по «революционной борьбе», простому народу и пр. Для них всех он посторонний и наблюдатель. И это отчуждение тотально, его невозможно преодолеть. А. М. Горький великолепно описывает этот вид социального разобщения внутри социума: «В этот вечер тщательно, со всей доступной ему объективностью, прощупав, пересмотрев все впечатления последних лет, Самгин почувствовал себя так совершенно одиноким человеком, таким чужим всем людям» [Горький 1979, т. 12, с. 381]. Стоит заметить, что практически идентичную гамму чувств испытывают и персонажи произведений Ж.-П. Сартра и А. Камю.

2. А. М. Горьким в романе великолепно поставлена проблема антитезы подлинной экзистенции и деятельности в модусе этического отношения. Клим мучительно пассивен, апатичен, попадая в трагическую и судьбоносную «пограничную ситуацию», он как бы впадает в состояние кататонического ступора.

Чем обусловлен подобный абсентеизм? Горьким великолепно прорисована многослойность внутреннего мира персонажа, мучительная интроспективная борьба между тезисом и антитезисом, синтезирующая искомые противоположности в избегании. «Буревестник революции» блестяще показывает это «амбивалентное я» главного героя произведения посредством психоделического голоса его подсознания. Вспомним, каким образом Самгин описывает один из своих ночных кошмаров, в котором он борется с многочисленными двойниками, своими ложными субличностями: «Он отбрасывал их от себя, мял, разрывал руками, люди лопались в его руках, как мыльные пузыри; на секунду Самгин видел себя победителем, а в следующую – двойники его бесчисленно увеличивались, снова окружали его и гнали по пространству, лишенному теней, к дымчатому небу» [Горький 1979, т. 13, с. 129]. Нобелевский лауреат Ж.-П. Сартр, отказавшийся от данной премии, в своей работе «Экзистенциализм – это гуманизм?» писал, что человек не может не выбирать, формируя посредством данного процесса свой жизненный проект: «Он не сотворен изначально, он творит себя, выбирая мораль; а давление обстоятельств таково, что он не может не выбирать какой-нибудь определенной морали. Мы определяем человека лишь в связи с его решением занять позицию» [Сартр 1989, с. 339]. Но А. М. Горький своим произведением ставит вышеуказанный тезис французского экзистенциалиста под глубокое сомнение. Клим боится выбора, всячески избегает его, оттягивает момент, когда необходимо будет предпочесть какую-либо сторону, поскольку в его сознании еще не решен фундаментальный вопрос о человеческом бытии и смысле экзистенции, вопрос о понимании мира и места человека в нем: «Если существование включает в себя понимание существования как собственный способ исполнения, то в соединении “существовать” и “действовать” для человека подразумевается исходность понимания существования в отношении совершаемых действий. Тогда быть самим собой, понимать существование означает быть вне любых действий, чтобы быть действующим и существовать» [Поросенков 2002, с. 392]. Ночной кошмар Самгина является ярким свидетельством этой чудовищной внутренней борьбы тезиса и антитезиса, доводов «за» и «против». На наш взгляд, герой произведения понимает, что находится в состоянии цугцванга, когда любое действие, любая выбранная сторона будет приравнена к трагическому поражению. Каким образом может быть осуществлен выбор, если все возможные альтернативы, которые предлагаются, ведут к онтологической катастрофе? Клим иссушил свое сознание холодным анализом, способствующим пониманию последствий экзистенциального выбора как выхода из пограничной ситуации. Именно по этой причине он (выбор) невозможен: нельзя занять четкую позицию, ибо все идейные течения того времени ведут к катастрофе и забвению подлинного

бытия. Консерватизм в черносотенной своей модификации, почвенничество, народничество атеистическое и религиозное, различные виды анархизма, «слащавый либерализм» и многообразие социалистических альтернатив от эсеров до большевиков не способны помочь избежать надвигающейся онтологической катастрофы. В сознании Самгина возникает удивительный парадокс, когда идея К. Леонтьева о том, что надо «подморозить Россию», т. е. сохранить существующую систему, приведет в будущем к большим жертвам, очередному этапу угнетения народа, но, с другой стороны, и большевистская альтернатива также способна залить страну кровью. Выбор любой из альтернатив означает косвенное соучастие в свершающемся нравственном преступлении, подавлении личности во имя отчужденных от реальности политических идей разного толка. Самгин не желает, чтобы его руки превратились в руки палача, уверовавшего в спасительность очередной теоретической доктрины, которую следует немедленно воплотить в жизнь. На допросе один из жандармов, проанализировав записные книжки Клина, говорит герою: «– Вот вы пишете: “Двух станом не боец” – я не имею желаний быть даже и “случайным гостем” ни одного из них», – позиция совершенно невозможная в наше время!» [Горький 1979, т. 12, с. 191]. По Самгину, мир политики никогда не видел живой личности, превращая ее в средство достижения социального прогресса, власти, собственности, влияния, безответственного доктринерства, воплощения какой-либо идеологии как ложной формы общественного сознания: «Идеологии были выдуманы лишь для того, чтобы хоть как-то приукрасить нашу варварскую сущность, сохранившуюся в нас по прошествии долгих столетий, чтобы замаскировать общую для всех людей склонность к убийству. Сегодня убивают во имя чего-то. Делать это произвольно уже не осмеливаются» [Сиоран 2003, с. 97]. По этой причине герой произведения и выбирает тактику абсентеизма, считая политическую сферу одной из форм ложного общественного сознания, продуцирующего «людей-зомби», «идеологических монотанов», «социально одержимых». Безусловно, таков, например, Кутузов – представитель социалистического лагеря. Подобные личности демонстрируют поистине феноменальную активность, желание действовать, а не размышлять и рефлексировать, когда проблема подлинности существования вторична, первична же активность. Впрочем, Самгину одинаково антипатичен как представитель III жандармского отделения, ненавязчиво предлагающий сотрудничество, т. е. стать его агентом-информатором, так и «матерый большевик» Кутузов – личность, не зараженная скептицизмом и полностью уверовавшая в спасительность той идеологии, которую он проповедует действием: «– Нам необходимы такие люди, как Кутузов, – люди, замкнутые в одной идее, пусть даже несколько уродливо ограниченные ею, ослепленные своей верой» [Горький 1979, т. 12, с. 344].

У скептика Самгина «твердокаменные марксисты», похожие на Кутузова, вызывают тревогу своей «уродливой ограниченностью» фанатиков, не замечающих антиномичности окружающего мира, чудовищных противоречий существующего плана реализации идей определенного типа, диалектического перехода из царства необходимости в светлое царство свободы. Историю всегда двигали экзальтированные одержимые – это аксиома, не требующая доказательств. Но Самгин видит в любой политической идеологии ее антигуманные стороны, а потому не может примкнуть к какому-либо учению. Кутузов ослеплен своей верой, Клима верует лишь в свой скептицизм, а потому бездействует: «Чтобы на самом деле действовать, важно еще верить в реальность добра и зла, в их раздельное и самостоятельное существование. <...> Неисправимый скептик, замкнувшийся в своей системе, кажется нам свихнувшимся из-за излишней строгости к себе. Заданностью своего движения он напоминает лунатика. В философском плане нет никого честнее его; но в его честности есть что-то чудовищное. В его глазах ничто не достойно пощады, все ему кажется неточным и неискренним, как наши теоремы, так и наши вопли. Его трагедия в том, что он никогда не может снизойти до лжи, как это делаем все мы, когда утверждаем или отрицаем что-либо, когда готовы отстаивать какое-то мнение. И поскольку он неисправимо честен, он обнаруживает ложь везде, где

мнение набрасывается на безучастность и побеждает ее. Жизнь равнозначна невозможности воздерживаться; победить эту вовлеченность – вот непосильная задача, которую скептик перед собой ставит» [Сиоран 2007, с. 72–73]. Для Самгина лучше прозябать в бездействии, чем участвовать в том, что лишено смысла и приведет к большому количеству жертв обезличенной механики исторического процесса.

3. Важным аспектом экзистенциальной философии является проблема цели и средств ее достижения. Стоит отметить, что А. М. Горький тоже говорит об этой дилемме в своем романе с предельной остротой. Для Самгина возникает чрезвычайно острый вопрос будущего торжества социалистического идеала. Возможно ли на костях сотен тысяч погибших в революционную пору людей построить новое бесклассовое общество, в котором будут сломаны сословные перегородки, упразднена эксплуатация, осуществлена полная отмена частной собственности на средства производства, радикально будет решен вопрос преодоления социального отчуждения. Можно ли ради реализации подобного общественного идеала уничтожить значительное количество невинных людей, ставших жертвами, например, разрушения социальной инфраструктуры государства, болезней и голода в революционную пору? В аспекте данной проблемы воспроизведём крайне интересный диалог между Самгиным и Кутузовым, когда Клим любезно предоставил свою квартиру революционеру-ленинцу для ночлега. В диалоге приняла участие и супруга главного героя романа, которая спросила карбонария, любит ли он охоту? На что получила интересный ответ: «– Пробовал, но – не увлекся. Перебил волку позвоночник, жалко стало зверюгу, отчаянно мучился. Пришлось добить, а это уж совсем скверно <...> И, уступив своей досаде, Самгин сказал: – Волков – жалко вам, а о людях вы рассуждаете весьма упрощенно и безжалостно. Кутузов усмехнулся, подливая в стакан красное вино.

– А вы, индивидуалист, все еще бунтуете? – скучновато спросил он и вздохнул. – Что ж – люди? Они сами идиотски безжалостно устроились по отношению друг ко другу, за это им и придется жесточайше заплатить. Он повторил знакомую Климу фразу: – Патокой гуманизма невозможно подсластить ядовитую горечь действительности, да к тому же цинизм ее давно уничтожил все евангелия» [Горький 1979, т. 12, с. 416]. Предельно откровенный ответ Кутузова весьма многозначителен. Вопрос о цене прогресса, заданный Самгиным, отчасти роднит его с Иваном Карамазовым, который в хрестоматийном диалоге с Алешей в трактире утверждал, что никакая будущая гармония и «сытое счастье» сотен миллионов людей не стоит слезинки одного младенца, ставшего средством достижения подобного «гармоничного рая на земле». Отметим, что творчество Достоевского оказало весьма мощное воздействие на становление философии экзистенциализма [Лесевицкий. Исследование сущности ... 2011; Лесевицкий. Конфликт индивидуального ... 2011; Лесевицкий. Ф. М. Достоевский и экзистенциальная философия ... 2011]. Стоит заметить, что Горький в данном эпизоде, возможно, опирается не только на классический роман «Братья Карамазовы» как на своеобразный источник, но и, например, на работы своего классового антагониста Н. А. Бердяева, который в книге «Новое религиозное сознание и общественность» совсем в духе Самгина отметил: «Демоническую жестокость революционного социализма я вижу прежде всего в том, что эта новая вера считает возможным и должным для счастья тысячи одного сделать несчастным и даже уничтожить, превратить в средство. Это и есть соблазн отвлеченного гуманизма, который так зло заботится о человеческом счастье» [Бердяев 1999, с. 148]. Сам А. М. Горький не раз признавался, что читал работы Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, И. Ильина и других русских философов-идеалистов, отзвуки идей которых, безусловно, отозвались в последнем романе «пролетарского мыслителя». Но так ли гуманны Иван Карамазов и Клим Самгин? Действительно ли они обеспокоены судьбой отдельной личности, ставшей средством достижения отвлеченной цели? Нам представляется, что нет. Иван, столь встревоженный «слезинкой ребенка», знал о готовящемся убийстве собственного отца, но предпочитал, как и Самгин, бездействовать. Или на родственников этические категории не распространяются? Подобен

Карамазову и главный герой произведения А. М. Горького, которому в определенной степени безразличны все: родители, брат, жена, любовницы, простой охлок, т. е. угнетенные, судьбой которых он якобы обеспокоен. Клим в разговоре с братом объясняет это «окаменелое бесчувствие» следующим образом, размышляя о безразличии Николая II к «людскому стаду»: «– Но, если хочешь, я представляю, почему он... имел бы основание быть равнодушным, – продолжал Самгин с неожиданной запальчивостью, – она даже несколько смутила его. – Равнодушным, как человек, которому с детства внушали, что он – существо исключительное, – сказал он, чувствуя себя близко к мысли очень для него ценной. – Понимаешь? Исключительное существо. Согласись, что человеку, воспитанному в убеждении неограниченности его воли, – трудно помириться с требованиями ее ограничения. <...> – Из этого равновесия противоречивых явлений может возникнуть полное равнодушие... к жизни. И даже презрение к людям. Тут он понял, что говорил не о царе, а – о себе. Он был уверен, что Дмитрий не мог догадаться об этом, но все-таки почувствовал себя неприятно и замолчал» [Горький 1979, т. 12, с. 503–504]. В таком случае уместно задать вопрос: отличаются ли радикальным образом позиции Кутузова и Самгина по данной этической проблеме, укорененной в динамике исторического процесса? Нам представляется, что Клим затеял данную дискуссию о «цели и средствах ее достижения» исключительно из желания поспорить с большевиком, а не из потребности обозначить свою обеспокоенность судьбой «невинных младенцев», обезличенных жертв безжалостных катаклизмов истории.

Однако сама постановка подобных «проклятых вопросов» А. М. Горьким в своем романе свидетельствует о наличии рельефно запечатленной экзистенциальной проблематики в его романе-завещании.

4. Важной проблемой экзистенциальной философии является вопрос об абсурде человеческого существования. Стоит заметить, что в романе А. М. Пешкова данная тема рассматривается чрезвычайно детализованно, многие персонажи книги испытывают тотальное воздействие «экзистенциального вакуума», они осознают бессмысленность и трагизм собственной жизни. Вопрос об абсурде отражается в многомерном сознании Клима Самгина достаточно болезненно, но есть герои, которые испытывают «переживание бездны внутри человеческого Я» еще более остро, находятся на грани самоубийства. Приведем несколько примеров. В контексте наших размышлений любопытно рассмотреть психологический портрет близкой знакомой Самгина – Нехаевой, внутренний мир которой пронизан сартровской логикой абсурдного существования. Французский философ в своем дебютном романе «Тошнота» писал, что человеческое существование во многом случайно, мы брошены в деструктивно-отчужденный мир, в котором нам нет места: «Слово абсурдность рождается под моим пером. И, не пытаясь ничего отчетливо сформулировать, я понял тогда, что нашел ключ к Существованию, ключ к моей Тошноте, к моей собственной жизни» [Сартр 1992, с. 132]. Вышеуказанные слова Рокантена – главного героя книги Ж.-П. Сартра – концептуально соотносятся с размышлениями Нехаевой о неведомой силе, которая вбрасывает человека в трагический мир против его воли, где все пронизано отсутствием смысла и пустотой: «– Вы умеете думать о бесполезности существования? Климу захотелось усмехнуться, но он удержался и солидно ответил: – Иногда это очень волнует. А заметив, что глаза Нехаевой вспыхнули, добавил: – Бывает – проснешься утром и подумаешь, что напрасно проснулся. Нехаева утвердительно кивнула головой: – Да, конечно, вы должны чувствовать именно так» [Горький 1979, т. 11, с. 208]. Нехаева очутилась в ясперовской «пограничной ситуации», девушка неизлечимо больна чахоткой, которая медленно поедает ее. Существование между жизнью и смертью, интроспективная борьба сил Эроса и Танатоса в ее душе порождает экзистенциальный ужас, а также появление логики абсурда, о которой столь глубоко размышляет в своем произведении А. М. Горький. Смерть тотальна – это стена, о которую разбиваются все мечты и надежды личности, и поскольку она непреодолима, то имеет ли существование смысл? Любой «жизненный проект» ожидает неминуемое и окончательное крушение. Ничто поглощает весь уни-

версум, делает нас заложниками своего незримого тотального превосходства. Стоит заметить, что Самгин прекрасно понимает эту «логику абсурда» своей хорошей знакомой: «Он уже не слушал возбужденную речь Нехаевой, а смотрел на нее и думал: почему именно эта неприглядная, с плоской грудью, большая опасной болезнью, осуждена кем-то носить в себе такие жуткие мысли? Тут есть нечто безобразно несправедливое. Ему стало жалко человека, наказанного болезнью и тела и души» [Горький 1979, т. 11, с. 211]. Стоит заметить, что А. М. Горький мастерски показывает, как система мировоззренческих акцентуаций Нехаевой подтачивает ее физическое здоровье. Данная проблема, со всей противоречивостью рассматриваемая русским писателем, исследуется и в работах французского экзистенциалиста А. Камю, который в своей классической работе «Миф о Сизифе» писал: «Ведет ли абсурд к смерти? Эта проблема первая среди всех других, будь то методы мышления или бесстрастные игрища духа» [Камю 1990, с. 27]. Стоит заметить, что мирозерцание Нехаевой отчасти копирует и взгляд на мир самого Клима, который тоже потерял в этом абсурдном мире некую точку опоры, латентно помышляет о самоубийстве. Сама эпоха грандиозных исторических катастроф, крушение социальных порядков, апробированных столетиями, внезапная перемена аксиологических доминант, инверсия «старой» этической системы – все это тотально воздействовало на умы огромных людских масс, погружая их в состояние замешательства, фрустрации и нередко к осознанию бессмысленности своей экзистенции. Старые смыслы жизни гибли, а новые еще не родились, продуцируя попадание огромного большинства жителей империи в ситуацию «экзистенциального вакуума», который блестяще описывает А. М. Горький в своей книге.

Выдающийся психотерапевт XX века В. Франкл давал следующую дефиницию «экзистенциальной фрустрации»: «Поговорив о том, что такое смысл, обратимся теперь к людям, которые страдают от чувства бессмысленности и опустошенности. Все больше пациентов жалуется на то, что они называют “внутренней пустотой”, вот почему я назвал это состояние “экзистенциальным вакуумом”. В противоположность предельным переживаниям, так хорошо описанным Маслоу, экзистенциальный вакуум можно считать “переживанием бездны”» [Франкл 1990, с. 308]. А. М. Горький в своей книге описал целую галерею персонажей, «переживающих бездну» внутри собственного многомерного «Я». Помимо Нехаевой в данном ключе можно упомянуть купца Лютова и поручика Трифонова. Оба ощущают бессмысленность экзистенции, несмотря на весьма несхожее социально-иерархическое положение. Оба больны алкоголизмом, который является ярким отличительным элементом личностей, переживающих нестерпимый абсурд и бессмысленность жизни. Оба являются представителями привилегированных классов, историческое время которых истекло. В. Франкл писал, что алкоголизм является попыткой человека при помощи химических веществ заглушить переживание пустоты: «Мы можем утверждать следующее: если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов. <...> Моя ученица в Международном университете Соединенных Штатов в Сан-Диего в своих исследованиях, результаты которых составили ее диссертацию, получила данные о том, что для 90 процентов исследованных ею случаев тяжелого хронического алкоголизма характерно выраженное ощущение утраты смысла» [Там же, с. 31]. Безусловно, и купец I гильдии Лютов, и поручик Трифонов находятся на грани умопомешательства, стремятся заглушить алкоголем экзистенциальную бездну, которую так болезненно переживают, помышляя о суициде. Самгин крайне четко осознавал эту наклонность Лютова, отмечая, что он «пьет водку, как яд» [Горький 1979, т. 12, с. 608]. Весьма схож в этом отношении и поручик Трифонов, который пытается заглушить голос совести, т. е. осознанные поступки, совершенные против его воли, огромными дозами алкоголя, ибо «трудно расстреливать невиновных», защищая разложившуюся буржуазно-компрадорскую элиту, для которой человек всегда был средством экономи-

ческого обогащения, своеобразного «социального каннибализма». Но он офицер и не может ослушаться приказа. Отсюда непереносимые муки совести.

У Лютова же «экзистенциальные надломы» совести приобретают несколько другой характер. Он очень богат, является распорядителем чрезвычайно весомого капитала, но осознает, что это богатство – результат «греха отцов», которые просто ограбили своих менее удачливых соплеменников и возвысились над ними, ибо капитал есть деспотическое могущество. Стыдно быть денежным магнатом, когда огромные многомиллионные массы испытывают нужду и голод. И противоядие от этого «голоса совести» – алкоголь. А. М. Горький мастерски раскрывает своеобразный социальный феномен, когда человек, добившийся элитарного финансово-экономического статуса, большинство разнообразных потребностей которого качественно удовлетворены, не испытывает радости существования, считая себя «лишним человеком», мучительно переживая «бездну абсурда», скуку, апатию, уныние. Невозможность существовать в состоянии «экзистенциального вакуума» подвигло Лютова на удачную попытку самоубийства. Он стреляется. Каким образом увидели смысл данного «шага в неизвестность» другие герои книги? «– Человек несимпатичный, но – интересный, – тихо заговорил Инок. – Глядя на него, я, бывало, думал: откуда у него эти судороги ума? Страшно ему жить или стыдно? Теперь мне думается, что стыдился он своего богатства, безделья, романа с этой шальной бабой. Стреляются. Недавно в Москве трое сразу – двое мужчин и девица Грибова. Все – богатых купеческих семей. Один – Тарасов – очень даровитый. В массе буржуазия наша невежественна и как будто не уверена в прочности своего бытия. Много нервных больных» [Горький 1979, т. 14, с. 33]. Делая предварительный вывод, необходимо отметить, что Горький, рассматривая проблему «абсурда существования» в своем главном романе, во многом опередил философские идеи, которые, уже после «пролетарского литератора», анализировали в своем творчестве А. Камю и Ж.-П. Сартр.

Таким образом, мы в данной публикации попытались рассмотреть масштабный роман-эпопею А. М. Горького с несколько необычной стороны, т. е. через призму философии экзистенциализма. По нашему мнению, «пролетарский бунтовщик» поставил в своем последнем произведении значительное количество вопросов, характерных именно для данного направления мысли. А. М. Горький через разных персонажей книги исследует проблемы подлинной и «обезличенной» экзистенции, обсуждает проблему существования и деятельности в определении этического отношения, ставит вопрос о цели и средствах ее достижения в рамках динамики исторического процесса, а также рассматривает проблему «экзистенциального вакуума» и его последствий. Все это позволяет позиционировать роман «Жизнь Клима Самгина» как произведение, содержащее проблематику, характерную для экзистенциальной философии.

Список источников

- Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М. : Канон+, 1999. 464 с.
- Бердяев Н. А. Творчество и объективация. Мн. : Экономпресс, 2000. 304 с.
- Горький А. М. Собрание сочинений : в 16 т. / сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова ; вступ. ст. Л. Леонова. Т. 11 : Жизнь Клима Самгина : повесть : Ч. 1 / примеч. Н. Н. Жегалова и др. М. : Правда, 1979. 574 с.
- Горький А. М. Собрание сочинений : в 16 т. Т. 12 : Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) : повесть : Ч. 2 / примеч. И. И. Вайнберг и др. М. : Правда, 1979. 669 с.
- Горький А. М. Собрание сочинений : в 16 т. Т. 13 : Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) : повесть. М. : Правда, 1979. 399 с.
- Горький А. М. Собрание сочинений : в 16 т. Т. 14 : Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) : повесть / примеч. С. Я. Бродской и др. М. : Правда, 1979. 559 с.
- Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2011. 500 с.
- Камю А. Бунтующий человек : Философия. Политика. Искусство : сборник : пер. с фр. / общ. ред., сост. и предисл. А. М. Руткевича. М. : Политиздат, 1990. 415 с.

- Лесевицкий А. В. Исследование сущности «объемной теории отчуждения» в творчестве Ф. М. Достоевского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 7 (13), ч. 3. С. 120–124.
- Лесевицкий А. В. Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф. М. Достоевского : монография. Пермь : ОТ и ДО, 2011. 192 с.
- Лесевицкий А. В. Ф. М. Достоевский и экзистенциальная философия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Философия. 2011. Т. 9, № 1. С. 120–124.
- Поросенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. 408 с.
- Савинкова Т. В. Экзистенциальная проблематика романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: структурно-функциональное и философско-этическое значение // Acta Eruditorum. 2020. № 33. С. 40–44.
- Сартр Ж.-П. Стена : избранные произведения. М. : Политиздат, 1992. 480 с.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм? // Сумерки богов : [сборник] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. ; сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1989. С. 319–345.
- Сиоран Э. Искушение существованием / пер. с фр. и предисл. В. А. Никитина ; примеч. И. С. Вдовиной. М. : Республика : Палимпсест, 2003. 431 с.
- Сиоран Э. Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла : сборник работ западных философов XX–XXI веков. М. : Алгоритм, 2007. С. 46–104.
- Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник : пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева ; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков : Фолио, 2003. 509 с.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Лесевицкий, преподаватель, Пермский филиал Финуниверситета (Пермь, Россия).

Information about the author

Alexey V. Lesevitsky, Lecturer, the Perm Branch of the Financial University (Perm, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 29.08.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 06.10.2023.